

тории на первый план и у Пахимера, и у Григоры: история позволяет всем стать «пророками, на основании совершенного угадывающими будущее» (Ibid. I. P. 5. 5—7)¹⁴.

История для Григоры — своего рода «летопись действий и жестов человеческого ума», обязывающая историографа «показать все, что служит во славу человеку»¹⁵. Такая гуманистическая нацеленность не только декларируется автором, но и воплощается непосредственно в ткани его труда. Поэтому Григора не просто излагает в «Истории» события или описывает ситуации, но воспроизводит и тексты богословских трактатов, и полемические диалоги, и философские рассуждения, и пространные речи персонажей, являющиеся «зеркалом деяний» исторических героев (Ibid. II. P. 642. 17—18).

Богословская проблематика занимает центральное место в мемуарах Григоры, и это естественно для современника исихастских споров. Актуальность этих проблем для духовной жизни Византии первой трети XIV в. подтверждается и созданием в это время «Церковной истории» Никифором Каллистом Ксанфопулом (PG. T. 145. Col. 557—1332; T. 146; 147. Col. 1—448), вернувшимся к истокам догматических контроверз.

Однако этой проблематикой далеко не исчерпывается труд Григоры. Давно подмечен его интерес к социально-экономическим, календарно-астрономическим вопросам, которым посвящены целые трактаты, включенные в «Ромейскую историю» (Greg. I. P. 30—41, 42—44; III. P. 511—517; ср.: III. P. 27—29, 38—42; I. P. 449.3—454.6). Небесным знамениям историк придает большое значение в связи именно с людскими судьбами (Ibid. I. P. 108.18—109.7; I. P. 49.23—50.5), однако его ссылки на оракулы, божественное безумие (θεομηνία), пророчества и знамения сродни скорее античным топосам, чем набожным сентенциям ранневизантийских хронистов о проявлении гнева господня (Ibid. I. P. 32.19—33.1; 423.13; 549.2). Толкованиям снов Григора посвятил специальный трактат — «Комментарии к Синесию».

Григора исходит, разумеется, из примата божественного Провидения («Пронии») над судьбами людей (Ibid. I. P. 20.19—21; 73.15—74.1; 206.25—207.1; ср.: I. P. 224.18—226.2; 316.1—317.1), однако он принципиально против концепции самопроизвольности судьбы, предопределяющей человеческие поступки¹⁶. Способность Промысла проникать в будущее не предопределяет навязывание Богом тех или иных поступков, в том числе дурных: зло не может исходить от Бога (Ibid. III. P. 210. 17; 211.25—212.1). Вместе с тем социальные воззрения автора далеки от оптимизма: государство он представляет трупом, на который набрасываются, соперничая, враги — турки и татары¹⁷ (Ibid. I. P. 535.11—18). Впрочем, если судить по письмам Григоры, станет ясно, что даже при осознании надвигающейся катастрофы ему чуждо чувство безысходности: «Не менее хвалю я саму эпоху за то, что, подобно какому-либо жестокому палачу, все вокруг приведя в беспорядок, она тем не менее дала нам людей, которые, молча или высказываясь, помогут облегчить положение в государстве» (Greg. Ep. Vol. 2, N 13)¹⁸. Григора понимает, что в переломную эпоху в жизни общества происходит активизация интеллектуальной деятельности.

Столь же неоднозначен и образ государства, описываемый часто у Григоры в категориях морской стихии¹⁹. Тема кораблекрушения обычна у него в данном контексте. Империя уподобляется большому кораблю, влекомому бурей, потерявшему и якорь и мачту. С грозным морем ассоциируются вторжения врагов и внутренние смуты; жизнь сравнивается с морем бедствий, шквалом, штормом. Вместе с тем и образ утихающей бури, преодоления стихии при умелой навигации — также постоянная тема Григоры; основная его мысль — возможность спасения, {284} способность — при знании средств — выбраться из пучины, обрести спасительную гавань.

Не менее сложна у Григоры, как показал А. П. Каждан, и тема недуга (в том числе государства и общества), пусть губительного (так почти исключительно у Никиты Хониата), но

¹⁴ Ср. Досталова Р. Византийская историография (характер и формы) // ВВ. 1982. Т. 43. С. 25.

¹⁵ Guillard R. Op. cit. P. 231.

¹⁶ Каждан А. П. «Корабль в бурном море»: К вопросу о соотношении образной системы и исторических взглядов двух византийских писателей // Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 10.

¹⁷ Ševčenko I. Society and Intellectual Life in Late Byzantium. L., 1981. N II. P. 172.

¹⁸ Перевод: Медведев И. П. Указ. соч. С. 12.

¹⁹ Подробнее об этом: Каждан А. П. Указ. соч. С. 3 сл.